

В. И. Искрин

Происхождение
и первоначальный смысл

РУССКОГО МАТА

18+

В. И. Искрин

Происхождение
и первоначальный смысл

РУССКОГО МАТА

18+

СВЕТ

Санкт-Петербург
2026

УДК 159.9

ББК 88.2

И86

И86 Искрин В. И.

Происхождение и первоначальный смысл
русского мата. — СПб. : Свет, 2026. — 52 с.

ISBN 978-5-6054-5726-8

Мат появился в глубокой древности, и появился, по-видимому, неспроста. На каком переломе истории зародился и расцвёл этот неубиваемый общественный феномен? Каковы его бытийные истоки? Какой смысл вкладывался нашими далёкими предками в ныне нецензурные выражения?

Ответом на эти и другие связанные с матом вопросы и является новое исследование автора, известного своими новаторскими разработками в области теории истории, первобытности, психологии, теории полов.

Данное исследование является первым и пока единственным в деле научного изучения происхождения и первоначального смысла русского мата.

ISBN 978-5-6054-5726-8

9 785605 457268 >

© В. И. Искрин, 2026

I

ОБЕССМЫСЛЕННЫЙ МАТ

Толчком к написанию этой работы явился разговор двух мужчин лет пятидесяти, который я ненароком подслушал в электричке.

Это была последняя, полупустая электричка. Тем не менее в вагоне, в который я вошёл, не оказалось ни одного свободного отделения. Я выбрал то, где сидели два припозднившихся рыболова. Угадав моё намерение зайти в их отделение, они задвинули под скамью ящики, предназначенные для зимней рыбалки, и забросили на полку ледобуры и рюкзаки.

Я зашёл в отделение, расположился напротив рыболовов и достал припасённый в дорогу журнал.

Но прочитать мне удалось лишь несколько абзацев. Моим вниманием овладела неспешная беседа попутчиков. Они обсуждали рыбалку, потом переключились

на ремонт квартиры одного из них, заговорили о каком-то электромоторе, вспомнили поездки за грибами... Одна тема сменяла другую.

Конечно, от чтения меня отвлекла не рыболовно-грибо-ремонтная проблематика, а то, чем сдабривался (эмоционально расцвечивался, подчёркивал ритмику речи) привлёкший моё внимание диалог. Думаю, вы догадываетесь, читатель, что я обозначил словом «то». А вообще я не склонен подслушивать. В электричке меня заставил навести уши профессиональный интерес.

Как правило, я читаю с карандашом в руке. Им я что-то подчёркиваю, делаю на полях какие-то замечания, где-то ставлю восклицательные знаки или знаки вопроса. На этот раз карандаш я пустил в дело, чтобы регистрировать и сортировать (на полях нечитаемого журнала) те нецензурные вставки, которыми не уставали наполнять свою речь мои попутчики.

Здесь я позволю себе отвлечься от наблюдаемого (подслушиваемого) мною в электричке.

Вообще элементарный ассортимент русского мата невелик. Он состоит всего лишь из четырёх безоговорочно нецензурных лексических единиц (слов). Это — непечатные названия мужского и женского половых органов, именование распутной женщины, начинающееся на букву «б», и «запретный» глагол, служащий для обозначения мужского сексуального действия.

Значит ли это, что русский мат беден? Нет, и вы, уважаемый читатель, подозреваю, прекрасно на этот счёт осведомлены. Ведь четыре нецензурных «атома» русского языка способны породить многочисленные производные, являющиеся иными частями речи (или, если можно так выразиться, непечатными словами-изотопами). Другим свойством нецензурных «атомов» является их способность соединяться со вполне приличными «словами-атомами» нашего языка.

В результате, благодаря названным свойствам, матерные накопления языка, базирующиеся всего на четвёрке слов, оказываются весьма внушительными, исключительно многообразными и в силу своей

смысловой гибкости и того или иного эмоционального заряда применимыми даже там, где предположить срамной лай (так в старину иногда называли нецензурную речь) весьма затруднительно.

Русский мат насчитывает сотни, если не тысячи, годных на все случаи жизни устойчивых (и импровизируемых) словосочетаний. Не хочу вас обидеть, читатель, но предполагаю, что знакомый вашему уху массив нецензурных выражений весьма далёк от того мегамассива, который бытует в языке. «Обогатиться» по матерной части (разумеется, с познавательной целью, а не в плане дальнейшего применения) сейчас совсем просто. В последнее время выпущено немало словарей русского мата (см., например: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. М., 2008; Толковый словарь. Русский мат. М., 1997).

Выдающимся же знатоком мата и, я бы сказал, коллекционером нецензурных словосочетаний, на мой взгляд, является А. Плущер-Сарно. Но ни этот главный

матовед страны, ни другие авторы и составители словарей не объясняют и даже не пытаются объяснить происхождение и прежний смысл русского мата. Нигде в литературе вы не найдёте каких-либо хотя бы в малой степени продуктивных объяснений.

Вы скажете: «Какой самоуверенный автор! Как можно произвести что-то продуктивное, если воз стоит на месте многие десятилетия? Ведь желающих найти истоки и исходный смысл мата, наверное, было немало». На что я вам отвечу: «Потерпите до третьей части работы. У меня есть ключ к тайнам русского мата».

Ключом мы займёмся в следующей части. А сейчас я дам вам информацию к размышлению.

Язык представляет собой вторичный социальный феномен. Язык, как и различные, так сказать, внутриязыковые явления, в конечном счёте связан с общественным бытием и им обусловлен, связан с движением общества, с изменениями прогрессивного и регрессивного толка.

Как вы думаете, подпадает ли мат под действие этого закона? Я думаю, подпадает. Постараюсь показать на примере подчиняющуюся этому закону современную экспансию мата (как языкового явления).

Одну мою знакомую, балерину, недавно вышедшую на пенсию (артисты балета рано становятся пенсионерами), я как-то спросил, не заглядывает ли она в родной театр (между прочим, один из лучших театров страны), чтобы пообщаться со своими бывшими коллегами. В ответ она, сокрушённо помотав головой и уловив мой вопросительный взгляд, сказала: «Там же (моя собеседница имела в виду раздевалку кордебалета. — *В. И.*) стоят такие матюги!» Насчёт конкретики «балетного мата», щадя чувства моей знакомой, я не стал интересоваться.

Было ли такое мыслимо лет пятьдесят назад? Нет, конечно. Вот вам влияние общественных условий, а они за полвека кардинально изменились, на языковое общение наших современников.

В какую сторону, не оставляя прежних своих владений, продвинулся мат? Ответ

лежит на поверхности: в женскую. В определённых кругах эта новация стала чуть ли не нормой.

Но «виноваты» в этом не только условия. Есть и другая причина. Это — бессмысленность мата. Какую мысль хочет донести женщина, когда она заявляет кому-то (неважно, мужчине или женщине), что была в качестве активной стороны в интимной связи с матерью покрываемого (или покрываемой) таким матом? На этот вопрос невозможно ответить. Потому что под современным матом нет никакой мысли.

Мат появился не сегодня. Забегая вперёд, скажу, пока не привязывая мат к какой-то эпохе, что его истоки находятся в труднопредставимых глубинах истории. Вкладывался ли тогда — на той бытийной общественной основе — в ныне не несущие никакого смысла нецензурные словесные конструкции (я не говорю об отдельных словах из вышеназванной четвёрки) какой-то, соответствующий потребностям того времени смысл? Должен был вкладываться!

Вообще, надо сказать, общественные явления, под которыми не замечается какой-то общественной же основы, на проверку, если покопаться, оказываются выросшими из жизни, из быта людей, из бытия общества, а потому — объяснимыми и понятными. Видимо, в мире действует некий нефизический закон сохранения: буквально всё сущее (как материальное, так и духовное), будь то обычай, какое-либо установление или какой-то иной общественный феномен, ни в коем случае не возникает на пустом месте, ни в коем случае не является голой выдумкой людей. Под всем пережившим своё время когда-то существовала вполне определённая бытийная основа. Если же мы наталкиваемся на что-то «необъяснимое», это свидетельствует не об отсутствии под «необъяснимым» основы, а о нашем неумении или (и) нежелании искать истину истории, и искать её не в головах людей, а на «земной тверди».

Мы видим, что мату, чтобы расшириться на женщин (разумеется, не всех), понадобилось полстолетия. Для более серьёзного

«преобразования», для обесмысливания, понятно, потребовались более крутая общественная метаморфоза и более длительный, исчисляемый столетиями, срок. По-видимому, мат стал обесмысливаться уже в самом начале классового периода истории.

Вы заметили, читатель, что я разделил «матерный массив» на две категории, на отдельные слова известной четвёрки и словесные конструкции? А если разделил, значит эти два подразделения чем-то отличаются одно от другого. Спрашивается, чем?

Четыре слова, если любое из них взято само по себе и служит всего лишь названием, являются нецензурными, что называется, по умолчанию. Почему можно произносить такие слова, как, например, «пенис», «фаллос», «влагалище», «сношение», но считается непристойным (мужчинам при женщинах и женщинам при мужчинах) произносить «х**», «п****», «е***» (здесь и далее я обозначаю только первые буквы нецензурных слов, замещая

последующие звёздочками)? Слово как сочетание звуков не может быть плохим или хорошим. Какое-то слово запретным, «плохим» делают обстоятельства. Что поставило под запрет ныне нецензурные названия (и словесные конструкции)? В дальнейшем мы должны разобраться с этим вопросом.

Что касается таких словесных конструкций, как, например, «ё* твою мать» или «иди (ты) на х**», они не могли не быть выражениями, несущими определённую, нацеленную на «покрываемого», смысловую нагрузку. Чем они были? Оскорблением, похвалой, имели нейтральный статус? Чем были обусловлены эти и другие непечатные идиомы? С этими вопросами нам также следует разобраться (ответ на вопрос из предыдущего абзаца вы найдёте во второй части книги, а на вопросы из этого абзаца — в третьей).

Выяснение природы ныне нецензурных словесных конструкций, на мой взгляд, намного интереснее, чем выявление истоков запрета на употребление отдельно взятых «нехороших слов». В дальнейшем мы со-

средоточим своё внимание на обнаружении происхождения и первоначального смысла именно конструкций. Но не забудем и об истоках табу на слова из современного непристойного квартета.

Но прежде чем для выявления происхождения и смысла русского мата погрузиться в прошлое, а именно это необходимо сделать для осуществления целей нашей работы, мы вернёмся в проделавшую уже немалый путь электричку.

Мои попутчики, утомлённые пребыванием в течение дня на морозном воздухе и укачиваемые мерным постукиванием колёс, вскоре уснули. А я занялся подведением некоторых итогов своих наблюдений. Что же выяснилось?

Оказалось, что приведёнными выше нецензурными конструкциями сдабривалась каждая вторая или третья фраза (мне, видимо, попались «истинные матерщинники»). Причём первая из них употреблялась раз в два чаще. Что касается отдельных нецензурных слов, лишь одно из них («б****») прозвучало раз пять или шесть.

Если бы рядом со мной сидел не знакомый с хитросплетениями русского языка иностранец, он наверняка бы возмутился: «Как могут дружески беседовать два человека, каждый из которых, судя по его многократным утверждениям, вступал в половую связь с матерью своего товарища?»

Да, у нас так могут. Даже могут вкладывать в эти слова (и видеть в них) немалый позитив. Почему? Потому что это выражение, как и другие, лишено всякого смысла. Потому что срамной лай функционально равнозначен междометиям. Время не только сделало мат нецензурным, но и омеждометило его.

Об омеждометивании мата свидетельствует его формальное употребление, выражающееся, в частности, в сокращении полных формул. Так, в первой из приведённых идиом матерщинники-междометчики, а иных вообще-то и нет, как правило, душевно вылаивают первые два слова («ё* твою»), а во второй — два последние («на х**»).

Взглянув в этой части работы на современный мат как на бессмысленное

словоизвержение, посмотрим на него с психологической точки зрения.

Понятно, что вставляемые в разговор непотребные словечки растягивают речь во времени, а так как речь является формой, в которой реализуется мышление, мат позволяет более размеренно и, следовательно, чётко мыслить и формулировать. Очень полезное подспорье для широких тугодумных масс! Интересно, что употребление мата сокращает или даже вытесняет использование таких словесных сорняков, как, например, «это самое», «как бы», «короче», и практически полностью ликвидирует эканье.

С другой, внешней стороны, употребление мата, как и иного словесного мусора, детренирует быстроту мышления. А ведь скорость мышления, как известно, работает на интеллект. Думаю, сущностный минус матоупотребления полностью поглощает его внешний, формальный плюс.

Вот теперь, составив некоторое представление о современном — обессмыслившемся — мате, мы можем приступить

к разработке вынесенной в название книжки темы.

Для этого нам предстоит погрузиться в прошлое.

Приглашаю вас, уважаемый читатель, посмотреть на жизнь-бытьё первобытного рода. Здесь мы поищем бытийные предпосылки расцветшего в будущем пышным цветом современного, беспредметного мата.

Здесь мы найдём ключ к первоначальному смыслу русского мата.

II

Ключ к первоначальному смыслу МАТА

Первобытное общество можно назвать родовым. Почему? Потому что только родовая организация и никакая другая могла быть и была в действительности той общественной формой, которая обеспечивала существование человека на тогдашнем — исключительно низком — уровне развития.

Что же такое род? Это самодостаточная в плане производства первичная община кровных родственников, насчитывающая несколько десятков (реже — сотен) человек.

Наука об обществе знает четыре основные жизненные потребности человека: в пище, жилище (крове над головой), одежде и топливе. Все эти потребности в первобытном коммунистическом обществе (возьмём на вооружение и этот термин) удовлетворялись в процессе совместной

трудовой деятельности сородичей. Орудия труда и различная утварь также производились внутри рода.

Однако в одном отношении род не был самодостаточной организацией. Я ведь указал только на производство вещей. Но есть и другая необходимая сторона воспроизводства жизни, та, без которой существование человека и общества в принципе невозможно. Это — производство человека, производство людей.

Понятно, что это («другое») производство осуществлялось обычным, естественным порядком, посредством рождения женщинами детей. Необычным (необычным для нашего современника, но не древнего человека) был организационный принцип соединения мужчин и женщин. Сексуальные контакты представителей противоположных полов были вынесены, во-первых, за родовую территорию и, во-вторых, за пределы рода как общественной структуры. «Отцами» (я употребляю это слово как понятное современному человеку) детей, рождённых женщинами какого-нибудь рода,

являлись мужчины, принадлежащие другой родовой общине. Род не был самодостаточным в деле производства людей.

Таким образом, в первобытную эпоху в плане детопроизводства каждый род имел брачного контрагента в лице другого рода. Такая организация брачевания и детопроизводства получила название дуально-родовой. В древности в отношения вступали мужчины и женщины разной родовой принадлежности. При этом брак был не индивидуальным, как сейчас, а групповым.

Технически межродовое брачевание осуществлялось следующим образом.

В определённое (отнюдь не произвольное) время мужчины, скажем, рода Змеи направлялись к месту расположения (к стоянке) рода Орла (такой поход получил название брачной экспедиции). Там навстречу им выходили «женщины-орлицы».

Затем на некотором удалении от стоянки рода Орла осуществлялся выбор каждой женщиной подходящего для сексуального контакта мужчины (пришедшего в составе брачной экспедиции).

По завершении сексуального действия мужчины и женщины расходились в противоположных направлениях, возвращались к своим сородичам. В будущем мужчина и женщина, вступившие в сексуальный контакт, могли больше никогда не встретиться. Их будущими партнёрами могли быть совершенно другие люди. Собственно сексуальный контакт длился минуты, а всё брачное действие, включая процедуру выбора женщинами партнёров, — час или чуть более.

Вы, конечно, понимаете, читатель, что я набросал лишь схему. Более детальное и аргументированное описание процесса древнего брачевания вы найдёте в моей книге «Загадка вены каменного века».

Понятно, что при таком порядке детопроизводства «отцы» не могли быть известны. Да это было и не нужно. «Отцовские» функции (надо сказать, весьма ограниченные) падали на мужчин рода, где рождались «чужие» дети. К этому могу добавить: на заре человеческой истории люди вообще не видели в появлении детей какого бы то ни было мужского участия.

Оглянемся назад. Что мы уже знаем о первобытности? Попробую выразить выясненное одной фразой: первобытная организация есть организация дуально-родовая, есть такая, в которой половые контакты мужчин и женщин вынесены за пределы их собственного рода.

Спрашивается: почему возник такой порядок? Для ответа на этот вопрос мы должны указать, во-первых, на необходимость и, во-вторых, на возможность вынесенного за пределы рода брака или, как его называют специалисты, экзогамии, что буквально означает «внешний брак» (поэтому род первобытного общества называют экзогамным, каковым он в действительности и является).

Сначала — о необходимости. Представьте род, в котором практикуются половые связи. Возможно ли существование древней социальной организации на таком, по сути дела биологическом, базисе? Ни в коем случае. Социальность нижайшего уровня и секс несовместимы. Род, в котором дозволены сексуальные связи,

буквально взорвётся изнутри. И погубят его — пребывающие на очень низком уровне интеллекта и воли — постоянно готовые к сексуальному контакту, нацеленные на него и жаждущие его мужчины. Ведь хорошо известно, что сексуальное влечение даже у современного человека деформирует рассудок. Подумайте, что станется с рассудком нашего древнего, ещё полудикого предка. В схватке животности и социальности, без всякого сомнения, победу одержит первая. Я уж не говорю о мужской конкуренции.

Конечно, внешний брак возник не в результате каких-то умозаключений наших предков. Экзогамия складывалась естественно-историческим порядком, складывалась на протяжении многих тысячелетий, и, как я полагаю, она начала складываться не в человеческом обществе, а ещё у предлюдей, наших животных предков. Группы, не нащупавшие путь последовательной экзогамии, неминуемо соскальзывали с тонкого лезвия социальности, а какие-то просто погибали.

Обнаружить возможность внешнего брака несколько сложнее. Для этого нужно прежде всего рассмотреть первобытное разделение труда.

«В первобытном коммунистическом обществе не было разделения труда». Верна ли эта, как принято считать, прописная истина? На мой взгляд, чтобы она стала безоговорочно верной, её требуется дополнить одним словом.

В первобытном обществе не было социального разделения труда. Значит, было какое-то другое? Да.

В любом обществе, на любом этапе развития труд с необходимостью разделён биологически, разделён между мужчинами и женщинами (пол, как известно, представляет собой биологическое явление). Женщины всегда занимают одну, так сказать, трудовую нишу, мужчины — другую, женщины реализуют себя, выполняя одни трудовые функции, мужчины — выполняя другие, в некотором смысле (это касается и ниши) противоположные женским.

В первобытном обществе женщины были привязаны к очагу, к стоянке, к месту дислокации рода и к ближайшим окрестностям. Главными женскими занятиями были собирательство и уход за детьми.

Мужчины действовали на периферии, зачастую удаляясь от стоянки на десятки километров, а иногда, видимо, и на сотни. Там они промышляли по части добычи различных средств существования (в основном пищевых припасов и различных материалов для изготовления орудий и приспособлений).

Что касается «большой охоты», она, будучи преимущественно загонной и требовавшей удобных для загона животных условий, разворачивалась, как правило, вблизи стоянки, благо первобытные стоянки в большинстве своём сооружались неподалёку от путей миграции крупных животных (так как для разработки взятой нами темы сведения об охоте на крупного зверя нам не понадобятся, об этом, сезонном, мужском занятии я упоминаю, как говорится, для полноты картины).

Периферийная деятельность первобытных мужчин имела ещё одну, важную для разработки нашей темы, составляющую. В ходе своих походов по периферии мужчины выходили к местам дислокации других родов и там...

И там мужчины сталкивались с женщинами-инородками. Вы понимаете, читатель, что мужчины делали с такой «добычей»?

Надо полагать, периферийный секс не мог не быть грубым. Ведь наши относящиеся к определённому роду далёкие предки, считая себя людьми, всех инородцев зачисляли в категорию нелюдей, и, разумеется, соответствующим образом «мужчины-люди» к «женщинам-нелюдям» относились. Такое миропонимание и действие представляют собой одну из черт так называемого первобытного негативизма (о котором я не буду распространяться, ибо это не лежит в русле нашего исследования). Между прочим замечу, что истоки современного сексуального насилия, на мой взгляд, имеет смысл искать в поведении древних «добытчиков».

Периферийная сексуальная деятельность мужчин поначалу была многовекторной (и, как я отметил, грубой). Это была брачная смычка своего рода со многими другими родами. Лишь постепенно выкристаллизовывались связи рода с родом (не с родами) и смягчалось отношение к женщине.

Так складывалась дуально-родовая организация. Скорее всего, процесс её сложения (от произвольной многовекторности к регламентированной упорядоченности) стартовал, как я уже заметил, до появления *Homo sapiens*, ещё на животном уровне.

Периферийный неизбирательный секс и стал той, по сути дела, «производственной возможностью», которая, соединившись с необходимостью исключения половых связей из рода (о чём мы уже говорили), по истечении многих тысячелетий дала законченную дуально-родовую организацию и экзогамию рода.

Экзогамия есть внешний брак. Это — одна сторона явления. Но есть и необходимая другая. Чтобы экзогамия была полной, необходим абсолютный запрет сексуаль-

ных связей между мужчинами и женщинами рода. А чтобы такой запрет выполнялся... Что надо сделать? Как вы думаете?

Да, надо не только исключить половые контакты мужчин и женщин рода, но и по максимуму исключить все другие контакты между полами. Говоря по-простому, чтобы не было соблазна.

Если бы нас, читатель, забросить в далёкое прошлое, мы наверняка бы посоветовали так организовать дело. Но нас, советчиков, не было в прошлом. Задуманный нами порядок сложился естественным образом. Между мужчинами и женщинами рода были воздвигнуты (разумеется, не враз и не по разумению, а стихийно и на протяжении определённой исторической полосы, в параллель с другими процессами социализации) различные «перегородки». Сейчас я перечислю некоторые из них, оставив напоследок ту, которая нам необходима для дальнейшего ведения темы.

Во-первых, в первобытное время совершенно не допускалось совместное проживание мужчин и женщин. На родовой

территории чаще всего сооружался мужской дом и ряд построек для женщин. Такую застройку мы можем наблюдать и сейчас у народов, отставших в развитии, например, в Амазонии или Новой Гвинее. Позже, при расселении человечества на север и в горные районы, где по разным причинам возводилось лишь одно жилище, в нём мужскую и женскую половины разделяла или стена, или какая-либо символическая (или даже воображаемая) преграда. При этом для мужчин и женщин делались отдельные входы и выходы. Последнее сохранилось, к примеру, у коряков Камчатки, практически до нашего времени.

Во-вторых, серьёзной преградой между полами являлось сокрытие глаз и отведение взгляда. Вы ведь не станете отрицать, уважаемый читатель, что глаза являются важнейшим контактным инструментом человека. В древности дело доходило до того, что женщины при случайных встречах с мужчинами не просто отводили глаза или отворачивали голову, но и закрывали лицо масками, повязками или нахлобучи-

вали на глаза какое-то подобие шапки. Об этой существовавшей когда-то «перегородке» между полами вы узнаете больше, чем сейчас, если обратитесь к уже рекомендованной вам моей книге.

В-третьих, на территории первобытной стоянки (впрочем, и за её пределами) представители противоположных полов по возможности избегали каких-либо пересечений (на это «работало» и разделение труда между «очаговыми» женщинами и «периферийными» мужчинами). Чтобы число пересечений свести к минимуму, наши предки даже протапывали отдельные мужские и женские тропинки, а при надвигающейся встрече (на «перекрёстке») женщины останавливались, чтобы пропустить мужчин, и, о чём я уже сказал, отводили взгляд в сторону.

В-четвёртых, первобытные мужчины и женщины должны были бы встретиться на трапезе. Да, должны были бы, если б трапеза была совместной. В действительности же мужчины и женщины готовили и принимали пищу не вместе. У неразвитых

народов такой порядок сохранился и сейчас. Да и у более развитых (например, на Кавказе или в Средней и Центральной Азии) женщины принимают пищу отдельно от мужчин, в другом помещении или за «женским столом».

В-пятых, и здесь мы коснёмся нужного для нас, между мужской и женской частью рода, поскольку их общение было сведено к минимуму, возникла языковая «перегородка». Иногда даже способная общеродовой язык расслоить на мужской и женский, а мужчин и женщин лишить возможности полноценно понимать друг друга (правда, в условиях практически отсутствия контактов между полами это и не являлось острой необходимостью).

Наши непосредственные предки не были столь радикально разведены в языковом отношении. Но женский говор и мужской, тем не менее, были строго регламентированы по одному, интересному нам, признаку. Женщинам и мужчинам строго воспрещалось в их — межполовом и ограниченном — общении касаться половой

проблематики. Это установление в определённой мере соблюдается и сегодня.

Впрочем, первобытный языковый запрет (и это касается даже запрета на сексуальные контакты между сородичами) иногда снимался. Из глубины тысячелетий, чтобы на короткое время, в качестве эпизода заменить собой разноплановое воздержание мужчин и женщин рода, на первобытную стоянку возвращался, по сути дела, животный оргиастический разгул. Эхо глубочайшей древности докатилось практически до наших дней. Рецидивом первобытных оргий являлись допускающие различные межполовые вольности народные праздники и гульбища. Что касается межполового языкового табу, ещё совсем недавно (а кое-где и сейчас) его напрочь «забывали», например, на молодёжных гулянках с их колоритным атрибутом — матерными частушками.

Ранее, в первой части работы, мы задались вопросом «что поставило под запрет ныне нецензурные названия и словесные конструкции?». Сейчас мы получили

возможность на этот вопрос ответить. «Запретителем» слов и выражений полового ряда явилось древнее (конкретно: языковое) межевание полов.

Запрет на употребление в межполовом общении половой лексики, в древности вполне нормативной и понятной, со временем превратился в запрет на те же, что и раньше, слова, ставшие теперь ненормативными (нецензурными), и на старые же словесные конструкции, ставшие и нецензурными, и непонятными (бессмысленными).

И в древности, и в наше время разговоры на тему пола и сексуального взаимодействия допускались и допускаются (если не брать в расчёт имеющую некоторое распространение «словесно-половую демократию») только в однополой среде, мужской или женской. Но эти среды весьма отличаются в деле производства словесной половой продукции.

Думаю, не надо доказывать, что у мужчин, активистов в сексуальном плане, занимающий нас лексикон был в древности

и сейчас является буквально дежурным компонентом их — мужского — языкового общения.

У женщин же, в силу их природы и функции в половом взаимодействии, вопросы секса и его словесного оформления стоят не так остро, как у противоположного пола. Женское отношение к сексу и обслуживающим его словам существенно отличается от мужского.

Это отличие — одна из множества граней, делающих полы находящимися в единстве противоположностями.

Противоположность полов — интересная, но не наша тема (полам, их единству и противоположности посвящена моя книга «Диалектика полов»).

Вернёмся на нашу дорогу. Впереди нас ждёт объяснение первоначального смысла мата. Ключ к объяснению нами найден. Им являются наработанные нами представления о первобытности.

Смысл обесмысливавшегося мы будем искать в реалиях прошлого.

III

ДРЕВНИЙ СМЫСЛ МАТА

Итак, ключ к выяснению первоначального смысла русского мата в наших руках, и мы, отлетев на несколько тысячелетий в прошлое, с помощью этого новенького (им никто не пользовался) ключика легко откроем ларчик, наполненный осмысленной сексуальной лексикой первобытности.

В предыдущей части первобытный уклад жизни предстал перед нами лишь в тех своих аспектах, которые важны для реализации поставленных нами целей (более широкий анализ, не принеся нам ощутимой пользы, только утяжелил бы работу). Правда, кое-что из необходимого я «утаил» от вас, читатель. Но это — дело поправимое. В данной части работы наши представления о первобытности будут дополнены. Здесь, по моему мнению, «утаённое» будет даже более уместным.

Но сначала — небольшое науковедческое замечание.

Известно ли то, что мы накопили о первобытности? И да, и нет.

Когда я учился в университете (в 70-х годах прошлого века), как и ранее, массив накопленных знаний о первобытном периоде человеческой истории был, на мой взгляд, вполне достаточным для разработки «матерной проблематики». О роде как форме древнего общественного бытия, экзогамии рода, дуально-родовой организации, минимизации контактов разнополых сородичей, групповом браке знали не только историки первобытности.

Однако даже шаг в направлении исследования мата не мог быть сделан. Научный поиск в области «нецензурщины» находился под негласным запретом.

В «новой России» знания о первобытности, адекватные реальной истории, и об этом нельзя говорить без горечи, напрочь были забыты. Кормящиеся на ниве исторической науки «историки» новороссийской генерации оказались способными лишь

на перепевы западных откровений о первобытном прошлом человечества (вы заметили, что слово «историки» я заключил в кавычки?).

Теперь «принято считать» (эти два слова ныне заменяют научную аргументацию), что в первобытности была семья, подобная современной, существовали торговые связи, имело место почитание богов и т.д. Куда ещё можно падать? Большой упадок мысли я не могу представить. Прикладывание к прошлому мерок современности характеризует не только интеллектуальную ущербность обладателей исторических корочек, но и является позором возомнившего себя историком.

Думаю, не надо пояснять, что с так повернутыми головами решение поставленных нами задач в принципе невозможно.

Извините меня, читатель, за невольное вырвавшийся крик души. Продолжим наше исследование.

История так «устроена», что рано или поздно любая общественная форма приходит — в процессе развития — к свое-

му финалу. На смену ей революционным порядком (я говорю не о какой-то скоротечной, а о довольно широкой в хронологическом плане социальной революции) утверждается новая, более прогрессивная форма.

Что касается первобытности, она не является исключением из этого алгоритма общественного развития. Как и любая другая форма, она конечна.

«Сменщиком» (в прогрессивном движении человечества) первобытного строя является строй, основанный на эксплуатации. Но нас сейчас интересует не он, а на многие тысячелетия растянувшийся переход от первой, первобытной мегаформации ко второй, эксплуататорской (более или менее детальный анализ исторического пути человечества вы найдёте в моей книге «Коммунистическая революция»). Такой переход и социальная революция представляют собой тождественные явления (и понятия).

На обозначенном мною революционном переходе происходят постепенный

слом старого (устоев первобытности, о некоторых из которых мы говорили во второй части работы) и вызревание и становление нового. Здесь (в это время) зарождается предмет нашего внимания — наполненный определённым смыслом русский мат (вернее, тогда, ещё до формирования древнерусской народности, зарождается, если можно так выразиться, предрусский мат). Он зарождается и довольно долго существует в первозданном — осмысленном — виде.

Мы приступаем к выяснению первоначального смысла ныне беспредметного, считающегося и являющегося сквернословием мата.

В первобытном обществе руководящей силой служил обычай, обычай, требовавший неукоснительного соблюдения (я говорю не о каком-то конкретном обычае, а о совокупности обычаев).

Соблюдался ли обычай? Несомненно, и соблюдался всеми членами общества.

Общество социальной однородности (первобытный коммунизм) являлось, во-первых, настолько внутренне притёр-

тым механизмом и, во-вторых, так притёртым к естественно-историческим порядком сложившемуся обычаю, что о каких-то разногласиях, конфликтах, борьбе его членов не могло быть и речи.

В эпоху первобытности каждый член рода отождествлял себя (в социальном плане) с любым другим членом и отождествлял себя с родом в целом. В первобытном обществе не было индивидуальности, не было личности. Это — непреложный факт. Об этом свидетельствует не только теория, но и рудименты такого восприятия социальной действительности, сохранившиеся в сознании отставших в своём развитии народов.

Теперь о переходе от первобытности.

Переход от первобытности знаменуется поначалу медленным, но верным сломом всего старого, сломом, в частности, как я выразился, притёртого социального механизма. Постепенно слом старых порядков набирает силу. Сначала робко, а потом всё более явственно заявляет о себе индивидуальность, на арену бытия выходит «я» индивида.

Обнаруживаются отличия между людьми. Откуда-то вылезает возможность сравнивать себя с другим и другими. Взрыхляется почва для конфликтов, словесных и поведенческих. Как показывает оскорбление, которое мы сейчас рассмотрим, среди возмутителей социального покоя выделяются более молодые, незрелые члены вступающего в состояние кризиса рода. Разгорается, видимо, первый в истории «конфликт отцов и детей».

Да, именно «отцов» и «детей». Именно в мужской части рода пробегает искра противопоставления. Мужчины ведь более, чем женщины, отличаются друг от друга (этот вопрос я разбирал в книге «Диалектика полов»).

Возмутителям спокойствия, подрывающим древние устои, нельзя попустительствовать! Их надо осадить! Как?

Как в наше время принято осаждать человека, если он младше вас? Как принято осаждать много берущего на себя юнца? Очень просто. Ему надо указать на его место. На место где? Да в жизни.

С помощью каких слов (в конце концов дело может дойти и до рукоприкладства) это делается? За формулами осаждения (и унижения!) далеко ходить не приходится. Вот они: «молокосос», «сопляк», «поживи с моё», «молод ещё», «у тебя молоко на губах не обсохло», «будет яйцо учить курицу»...

Все эти идиомы появились позже того времени, о котором мы говорим. А как осаждали и унижали раньше? Как тогда можно было указать на молодость и социальную незрелость возмутителя спокойствия?

Проще простого. Надо было указать на принадлежность унижаемого к иному, более молодому поколению. Ведь учёт поколений в древности имел первостепенное значение. Говоря о групповом браке, я упустил этот момент, чтобы привлечь к нему внимание сейчас. Оказывается, в древности групповой брак был упорядочен по возрастному принципу. В половые отношения могли вступать только мужчины и женщины, относящиеся к одному поколению. Мужчины и женщины, которые могли вступать

в половые связи, по отношению к представителям более молодого (и незрелого) общественного среза выступали в качестве «отцов» и «матерей» (я употребляю кавычки, потому что в древности, во-первых, отец и мать не были такими определёнными, как сейчас, и, во-вторых, индивидуальное отцовство и материнство не играло той роли, какую им в дальнейшем навязала история).

Я возвращаюсь к поставленному вопросу. Как в древности (во время эрозии первобытности) можно было указать на социальную, связанную с возрастом, незрелость? Надо было указать на принадлежность осаждаемого к более низкому социально-возрастному классу. А это, когда такая принадлежность была ключевым маркером человека, являлось максимально ёмким и точным.

Нам осталось только найти словесную формулу осаждения. Вот она: «я был в интимных отношениях с твоей матерью». А в переводе на «нецензурный язык» (но вполне цензурный тогда): «ё* твою мать». Понятно, что такое выражение мог-

ло употребляться только мужчиной и что его употребление в силу первобытного размежевания полов могло иметь место лишь в мужской среде (может быть, изредка имело место и унижение женщины). Мужскость этого ёмкого и содержательного выражения, ставшего бессмысленным ругательством-междометием, прошла через века и тысячелетия.

Как видите, уважаемый читатель, секрет нынешнего отвратительного ругательства раскрывается элементарно просто. Современная бессмыслица со словом «мать» изначально была указанием на возраст и, что важнее, на место в обусловленной биологией (возраст — биологическое явление) социальной иерархии. Думаю, что древнее словесное осаждение было сильнее, чем, например, употребляемые ныне «молокосос», «сосунок» или «ты ещё пешком под стол ходил, когда я...».

В древности человек жил не так долго, как сейчас, но всё равно находились пожилые по меркам того времени мужчины. Использовали ли они в общении с более

молодыми ударную формулу? Полагаю, да. Как можно было не воспользоваться таким «изящным» воспитательным средством?

Как вы думаете, были ли в арсенале наших предков ещё какие-то словесные средства унижительной постановки на место? Давайте поищем. Я укажу на один немаловажный аспект древнего бытия, который ранее, признаюсь, не по небрежности, был мною проигнорирован. Может быть, этот аспект одарит нас каким-либо оборотом (а вдруг и не одним), бытующим в наше время на правах нецензурного?

Как уже было сказано, в первобытное время мужчины и женщины проживали раздельно. А дети? Что касается девочек, они, как до перевода во взрослое состояние, так и после, что и понятно, жили в женском жилище (или половине). Мальчики находились вместе с женщинами лишь до определённого возраста. За два-три года до перевода во взрослое состояние (такой перевод называется инициацией) они попадали под опеку мужчин и перебирались в мужской дом (или на

мужскую половину). Там они приобщались к мужской жизни.

Отмечу две струи этого приобщения.

Во-первых, будущие мужчины усваивали различные навыки, свойственные состоявшимся, зрелым мужчинам. Подростки учились, проходили мужскую школу.

Во-вторых, подростки перенимали так называемую мужскую силу. Интересный способ передачи мужчинами такой «силы» зафиксирован историками первобытности и этнографами у некоторых отставших в своём развитии народов. Вкратце опишу этот способ.

В первобытном обществе мышление человека было глубоко предметным, овеществлённым. Первобытная «теория» и практика были переплетены, слиты. Овеществлению подлежало всё духовное и умозрительное (т.е. зримое умом, но не глазами). О таком переплетении и слиянии я писал в работе «Коммунистическая революция в освоении природы».

Естественно, что и передача «мужской силы» подпадала под действие этого закона

(назову его законом овеществления). Что же это за вещь, что за продукт, который в представлении людей далёкого прошлого содержал в себе эту самую «силу»? Понятно, что этот продукт должен быть мужским, если можно так сказать, должен являться специфическим мужским произведением.

Догадались, читатель? Переберите всё возможное, и вы в конце концов вещьную основу «мужской силы» определите. Носителем «мужской силы» может быть и является в действительности только сперма.

Как может будущий мужчина этот «эликсир силы» принимать? Оказывается, через рот. Ну а как зрелый мужчина свой продукт может передавать, думаю, понятно. Повторяю, такой способ приёма-передачи зафиксирован исследователями.

Что это? Оральный секс? Для мальчиков — однозначно нет. А для мужчин? Известно, что выделение спермы возможно лишь при возбуждении. Следовательно, мужское действие в этом акте, я считаю, допустимо квалифицировать в качестве сек-

са. Но только с одной оговоркой: в качестве суррогатного секса.

Но у этого первобытного феномена есть и другая сторона, даже более важная, чем сексуальная. Как зрелые мужчины, так и будущие воспринимали передачу «мужской силы» как социальное действие, имеющее жизненно важную значимость. Передача «мужской силы» в описанной форме являлась прежде всего социальным актом, а потом уже — сексуальным (только для мужчин).

Был ли характерен такой способ приёма-передачи «мужской силы» для наших первобытных предков? Можно ли доказать, что он имел место?

Можно, и сделать это очень легко. Следом древнего социально-сексуального акта, протянувшимся из глубины тысячелетий, являются унизительные идиомы, обыгрывающие мужской «инструмент» передачи «силы» подросткам, жаждущим воспринять взрослую доблесть.

Вы, конечно, догадываетесь, о каком «инструменте» я говорю. А идиомы? Вот

они: «иди на х**», «х** (тебе) в рот», «соси (пососи) х**», «ё***** в рот» и т.д.

Все они, как и «ё* твою мать», тождественны современным оскорблениям «молокосос», «сопляк», «молод ещё»... Все они есть унижение посредством указания на возраст, на молодость, на социальную незрелость. Все они, подобно выражению со словом «мать», возникли на почве становления индивидуализма, во время угасания первобытности.

На мужской «инструмент» для приёма «силы» можно послать и посредством жестов.

Только что я посмотрел футбольный матч, где один игрок, немного наклонившись и согнув руку в локте, помахал под ней другой рукой показавшему ему жёлтую карточку судье (за что сразу же заработал вторую жёлтую и был удалён с поля).

Знал ли молодой охальник, что таким образом он квалифицировал арбитра, который почти в два раза его старше, как какого-то сопливого подростка? Нет, конечно. Мат, как в словесном (я имею в виду сло-

весные конструкции), так и в действенном исполнении, давно уже потерял свой первоначальный, указывающий на социальную незрелость смысл.

Другой жест того же толка не требует покачивания рукой. Я имею в виду демонстрацию какого-либо пальца. В последнее время вошёл в обиход показ среднего пальца. Впрочем, это не исконно русское явление. Данный аналог мужского полового достоинства являет собой западную «ценность». Мы же ограничиваемся показом скромного кукиша (словесным дублёром которого служит посыл на фиг).

Более солидным «ручным» эквивалентом мужского члена у нас является бодро поднятый вверх большой палец. Правда, этот жест нельзя назвать негативным. Как и изваяния фаллоса, распространённые, например, в Юго-Восточной Азии, наш стоящий большой представляет собой символ силы, доблести, могущества, отваги. Но чаще всего он используется в качестве отличной оценки чего бы то ни было.

Изображением этого эквивалента мужского «инструмента» я решил украсить обложку. Вы ведь понимаете, что натуралистическую картинку на разрабатываемую нами (объясняющую мат) тему я не мог вынести на «лицо» книжки по цензурным соображениям. Так что пришлось довольствоваться тем, что находится рядом с нецензурщиной.

Не примите, пожалуйста, уважаемый читатель, изображение на обложке за авторскую оценку вами прочитанного. Оценивать не мне, а вам.

Не скрою, что, если вы оцените мою работу «на большой», буду весьма удовлетворён.

5–19 марта 2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Обесмысленный мат.....	3
II. Ключ к первоначальному смыслу мата.....	17
III. Древний смысл мата	34

18+

Владимир Иванович Искрин

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СМЫСЛ
РУССКОГО МАТА**

*Текст настоящего издания
приводится в авторской редакции*

Оригинал-макет *А. А. Крыласов*

Подписано в печать 30.06.2026. Формат 60×84/32

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 1,7

Тираж 100 экз. Заказ № 3463

Отпечатано в типографии
Издательского центра «Свет»

Тел. (812)235-15-86

ISBN 978-5-6054-5726-8

9 785605 457268 >